

КАРТИНА ЖЕЛАНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.В. Алтабаева

Аннотация. В работе рассматриваются особенности реализации желаний лирического героя в поэтическом языке Е.А. Боратынского как отражение философских и мировоззренческих установок автора. Выявляются и анализируются средства и способы выражения желаний, в системе которых лидером выступает лексико-синтаксический способ и, соответственно, оптативные глаголы — модальные модификаторы действия/состояния субъекта. Делается вывод о том, что у Е.А. Боратынского преобладают желания либо с указанием на их неосуществимость, либо без указания на осуществимость, что сближает его поэтическую систему с поэтикой М.Ю. Лермонтова. Преобладание желаний с такой семантикой позволяет связать функционирование модальных глаголов и имен в оптативных предложениях с принципом контраста, столь важным для творчества поэта. Специфика оформления желаний лирического героя участвует в процессе философского созерцания и отражения действительности. В формате оппозиции желания — невозможность их осуществления оптативные предложения становятся инструментом выражения авторских размышлений, установок и предпочтений.

Ключевые слова: боратыноведение, поэтический язык, принцип контраста, философия желаний, оптативные предложения, оптативные модальные глаголы, лексико-синтаксическая оптативность, осуществимость/неосуществимость желания

253

Для цитирования: Алтабаева Е.В. Картина желаний в поэтическом языке Е.А. Боратынского как проявление индивидуально-авторской философии // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 253–264. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-253-264

REPRESENTATION OF DESIRE IN THE POETIC LANGUAGE OF E.A. BORATYNSKY AS A MANIFESTATION OF THE AUTHOR'S INDIVIDUAL PHILOSOPHY

E.V. Altabaeva

Abstract. *The paper examines the specifics of the lyrical hero's desire realization in E.A. Boratynsky's poetic language as a reflection of the author's philosophical and ideological principles. The paper identifies and analyzes the means and methods of expressing desires, dominated by the lexical-syntactic method and, accordingly, optative verbs as modal modifiers of the subject's actions/state. It is concluded that in E.A. Boratynsky's poetry desires are dominated by those either indicating their impossibility of their fulfillment or without the indication of their fulfillment, which brings his poetic system closer to the poetics of M.Yu. Lermontov. The predominance of the semantics of unrealized/unrealizable desire allows us to connect the functioning of modal verbs and nouns in optative sentences with the principle of contrast, so important for the poet's work. The specific features of the expression of the lyrical hero's desires are involved in the process of philosophical contemplation and reflection of reality. In the format of the opposition between desire and the impossibility of its fulfillment, optative sentences become a tool for expressing the author's reflections, attitudes, and preferences.*

Keywords: *Boratynsky studies, poetic language, principle of contrast, philosophy of desires, optative sentences, optative modal verbs, lexical-syntactic optativity, feasibility/unfeasibility of desire*

Cite as: Altabaeva E.V. Representation of Desire in the Poetic Language of E.A. Boratynsky as a Manifestation of the Author's Individual Philosophy. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 3, part 2, pp. 253–264. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-253-264

254

Евгений Абрамович Боратынский¹ (1800–1844) — русский поэт, пожалуй, наиболее приблизившийся к Александру Сергеевичу Пушкину по глубине замысла, уровню поэтического мастерства и отточенности стиля, что отмечалось критиками еще при жизни автора. Если говорить о современном боратыноведении, то, безусловно, стоит признать приоритет собственно литературоведческих изысканий и их результатов в его становлении и развитии. Между тем не остается без внимания и уникальный поэтический язык Е.А. Боратынского, различные его особенности освещены в работах Н.А. Кожевниковой, Н.В. Патроевой, Л.Л. Шестаковой и др. [2–5]. В изучении поэтического наследия Евгения Абрамовича Боратынского важное место занимают изыскания в области идиостиля этого выдающегося русского стихотворца, и это не случайно: Боратынский — один из немногих, кто сумел полностью подчинить язык поэзии авторской идее и тем самым не только достичь вершин поэтического мастерства, но и создать глубоко индивидуальную языковую

¹ По поводу разночтений в написании фамилии поэта А.С. Либман отметил следующее: «К концу жизни Е.А. Боратынский стал писать свою фамилию через о, и хотя «Полное собрание стихотворений» в серии «Новая библиотека поэта» [Баратынский, 2000] еще сохраняет написание Баратынский, все позднейшие авторитетные издания предпочитают новый вариант» [1, с. 42].

картину мира, вместившую и беспристрастный анализ законов жизни, и диалектику самопознания, и извечный поиск гармонии мысли и чувства, души и тела, идеала и реальности.

В этой работе мы хотели бы обратить внимание на один из важных участков поэтической картины мира «душемутительного поэта», который связан с ценностными установками, предпочтениями и желаниями лирического героя Боратынского. Особый интерес вызывает отражение в языке поэзии Боратынского авторской философии. Рассмотрим этот вопрос на материале одного из важнейших фрагментов мировоззренческой доктрины поэта — его системы ценностей, получающей воплощение в репрезентации желаний лирического героя, во многом коррелирующего с самим автором.

В поэзии сфера желаний и устремлений как проявление индивидуально-авторской философии, ценностных установок и эмоционально-волевых потребностей личности занимает далеко не последнее место в создании образа лирического героя, в раскрытии его внутреннего мира. Для автора важно наиболее точно и убедительно передать существо желаний своего героя, их силу, интенсивность, степень эмоциональности, их оттенки, нюансы, показать, насколько они реальны или невыполнимы. Именно по характеру желаний лирического героя в той или иной степени можно судить о системе ценностей, идеалов и предпочтений самого автора.

Следует отметить, что в числе основных способов организации поэтической лексики Боратынского ведущим является принцип контраста. На этот важный текстообразующий принцип обращали внимание исследователи, в частности В.И. Коровин [6, с. 60–61]. С помощью реализации этого принципа автор поляризует как семантически противопоставленные лексемы, так и те лексические единицы, антонимичность которых обнаруживается в контексте, в частности в условиях контрастирующей дистрибуции [7, с. 63], например: *мысль — чувство, разум — сердце, душа — тело, жизнь — смерть, мечта — закон, счастье — страдание, желания — самовластный рок* и др.

Семантика контраста в языке поэзии Боратынского является воплощением тех «противочувствий», которые составляют диалектику мироощущения поэта. С этой точки зрения значительный интерес представляет функционирование в стихотворных текстах Боратынского лексических единиц, принадлежащих к различным семантическим полям или группам. Одна из таких групп, выделенная в классических работах по лексической семантике, объединяет лексемы с семантикой желательности, например: *хотеть, желать, мечтать, жаждать* и т. п., или глаголы желания [8, с. 49; 9, с. 424–435]. Мы называем лексику, передающую семантику желательности, оптативной лексикой [10, с. 3], учитывая при этом, что данные глаголы в сочетании с инфинитивом выступают как модальные модификаторы действия/состояния субъекта, в роли которого может выступать 1, 2 и 3-е синтаксическое лицо, равно как и неличный субъект.

Активное функционирование слов и предложений с оптативной семантикой обнаруживается, как отмечают исследователи, уже в литературных памятниках XVII–XVIII вв. [11, с. 471–472]. Первая треть XIX в. была ознаменована становлением норм современного русского литературного языка, и поэтому рассмотреть особенности функционирования в поэтических текстах того периода языковых средств с семантикой желательности представляет особый интерес, в том числе и в плане их роли

в формировании индивидуально-авторского стиля. В свое время нами было исследовано употребление оптативной лексики в поэтических текстах А.С. Пушкина [12, с. 59–64] и выявлены авторские предпочтения в этом плане. В данном случае подобное исследование на материале произведений Е.А. Боратынского позволило выявить более ста употреблений глагольных, субстантивных и адъективных лексем с семантикой желательности. Оптативная семантика в его поэтических текстах передается преимущественно лексико-синтаксическими средствами — модальными глаголами желания, модифицирующими действие/состояние субъекта [13, с. 144–146; 151–153].

Например:

...От вас **отвлечь** судьбы суровой
Удары грозные **хочу**,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.
(«Кн. П.А. Вяземскому», [14², с. 179])

...Но у дверей остановился:
Взглянуть он раз еще **желал**
На Веру...
(«Цыганка», с. 284)

Глаголы желания (оптативные) представлены в лирике Боратынского достаточно широко и разнообразно и в целом отражают основной состав соответствующей ЛСГ. Чаше других, и это естественно для доминанты, используется глагол *хотеть* (свыше 30 употреблений в функции модального модификатора), следующим по частотности является глагол *желать* (более 15 употреблений в вышеназванной функции).

Все глаголы желания имеют общий семантический признак желательности потенциального действия/состояния, наиболее предпочтительного для субъекта с точки зрения говорящего. В глаголах *хотеть*, *желать* этот признак содержится, так сказать, в чистом виде и не осложняется какими-либо другими смыслами. Сами лексемы, безусловно, являются синонимичными, их семантика идентична, а все отличия лежат в сфере стилистической: если *хотеть* — глагол стилистически нейтральный, то глагол *желать* тяготеет к книжно-литературному стилю.

Например:

Когда, любовью вспыхнув к Вере,
Он нравом стал еще мрачней,
Она **развлечь** его **хотела**,
Она родные песни пела...
(«Цыганка», с. 288)

Есть милая страна, есть угол на земле...
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И **вежды** старые **сомкнуть**
Последним, вечным сном **желаем**.
(«Есть милая страна...», с. 168)

² Стихотворения далее цитируются по этому изданию с указанием названия и номера страницы.

У других глаголов описываемой группы семантика желательности осложняется оттеночными значениями намерения, стремления, готовности, мечтания, надежды, которые в определенных контекстах актуализируются. Круг таких лексем у Боратынского весьма широк. В текстах поэта нам удалось обнаружить 11 глагольных лексем с осложненной семантикой желательности: *алкать*, *думать*, *жаждать*, *мечтать*, *надеяться*, *решиться*, *силиться*, *спешить*, *стараться*, *стремиться*, *уповать*. Эти глаголы встречаются значительно реже (от 1 до 5 употреблений). Приведем примеры:

Живее жизнью **насладиться**
Алкал безумец молодой.
 И начал с первых дней томиться
 Пределов светских теснотой...
 («Цыганка», с. 277)

Меня ты **думал обмануть**,
 Когда вчера, кривя душою,
 Ты мне с заботою такою
 Скорей советовал заснуть!
 («Цыганка», с. 286)

Узнать, душою не в покое,
 Он **жаждет** имя дорогое!
 И незнакомка названа.
 («Цыганка», с. 280)

Ты мне любезен: не всегда ли
 Я **угождать** тебе **спешу**?
 Я каждым утром приношу
 Тебе цветы...
 («Эда», с. 232)

Старательно мы наблюдаем свет,
 Старательно людей мы наблюдаем
 И чудеса **постигнуть уповаем**:
 Какой же плод науки долгих лет?
 («Старательно мы наблюдаем свет...», с. 144)

Зачем, о Делия! сердца молодые ты
 Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной **мечты**
 Недостигаемого счастья?
 («Зачем, о Делия! сердца молодые ты...», с. 95)

В последнем примере встречается отглагольное существительное желательной семантики *мечта* (в нашей терминологии — оптативный девербатив) в сочетании с зависимым словосочетанием *недостигаемое счастье*. Это слово можно рассматривать

как функциональный аналог глагола *мечтать*, иными словами: *мечтать о недостижимом счастье*. Желать недостижимого, недостигаемого — одна из доминант философии мыслящей, следовательно, рефлексирующей личности XIX в., осознающей заведомую неисполнимость своих желаний и устремлений.

К этой группе глаголов по своей семантике и функциям примыкает краткое прилагательное *готов* (*готова, готовы*), выступающее в текстах Е.А. Боратынского как модальный модификатор диктального глагола:

Порою ласковую фею
Я вижу в обаянье сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она...
(«Порою ласковую фею...», с. 152)

Следует подчеркнуть, что высказываний, в которых оптативная семантика была бы представлена только грамматическими средствами, а именно формой сослагательного наклонения или ее функциональными аналогами, в текстах поэта почти не встречается. Грамматическое выражение оптативности у Боратынского почти всегда сочетается с лексико-синтаксическим; при этом высказывание обладает ирреальной модальностью и соответственно выражает значение «ирреальной желательности», поскольку грамматический показатель — частица *бы* в составе формы сослагательного наклонения — взаимодействует с лексическим средством — оптативным модальным глаголом. Как правило, значение «ирреальной желательности» у Боратынского реализуется только глаголами *хотеть, желать, мечтать*, которые по своей семантике в наибольшей степени соответствуют функциональному назначению частицы *бы* как показателя оптативной модальности.

Например:

Хотела б смертная тоска
Излиться воплем и слезами...
Рвались бурными волнами
У ней попреки с языка...
Но эти первые движенья
Она в себе перемогла
И голос мирный обрела,
Хотя дрожащий от волненья.
(«Цыганка», с. 299)

Стараясь в некий ум соотчицей привесть,
Я благодарность их **мечтал бы приобрести**,
Но, право, смысла нет во слове «благодарность»,
Хоть нам и нравится его высокопарность.
(«Гнедичу», с. 111)

Показательно, что чаще других в форме сослагательного наклонения у поэта встречается глагол *желать*, употребление которого соответствует более высокому стилистическому рангу — книжно-литературному, а не нейтральному, как *хотеть*:

Кто б мог подумать! в ваши лета!
 Мою любовь мне не забыть;
Желал бы я ее предмета
Не презирать. Но, так и быть!
 Прощайте!
 («Цыганка», с. 294)

Охота петь уж не владеет мною.
 Она прошла, погасла, как любовь,
 Опять **любить, играть** струнами вновь
Желал бы я, но утомлен душою...
 («Эпилог», с. 100)

В последнем фрагменте обращает на себя внимание выражение оптативности предикативным оборотом со значением угасания желания [подробнее см. 8, с. 166–170]: **Охота петь** уж **не владеет** мною. **Она прошла, погасла, как любовь**. Здесь в роли грамматического субъекта предложения выступает модальное существительное *охота*, тогда как «реальному (семантическому) субъекту желания отводится роль объектного компонента — дополнения. Тем самым позиции грамматического и семантического субъектов не совпадают, что создает особый рисунок лексико-синтаксический желательности в оптативном предложении» [там же, с. 168].

Одним из наиболее важных вопросов современной теории оптативности считается вопрос о предмете желаемого и осуществимости/неосуществимости желаний личности. В поэтическом языке Е.А. Боратынского обнаруживается определенная закономерность: предложения с ирреальной желательностью в большинстве случаев передают нереализованное, либо несбыточное явление, на что указывает ближайший контекст. Семантика заведомо неосуществимого или неосуществленного желания присутствует и в ситуациях с реальной желательностью, при поддержке прежде всего противительного союза *но*, риторических вопросов с его участием типа *Но что же?*, наречных слов *напрасно, тщетно* и подобных. Такую особенность можно считать отличительным признаком поэтики не только Боратынского, но и Лермонтова.

Поэтический язык Е.А. Боратынского содержит такие примеры авторского осмысления желаний лирического героя, в которых напрямую, с помощью лексического наполнения, эксплицируется невозможность осуществления этих желаний, их изначальная несбыточность:

Искусством округлишь ты высохшую грудь.
 Худые щеки нарумянишь,
 Дитя крылатое **захочешь** как-нибудь
 Вновь **приманить... но не приманишь!**
 («Зачем, о Делия! сердца младые ты...», с. 96)

Взор укоризны, даже **гнева**
 Тогда **поднять хотела** дева,
Но гнева взор не выражал...
 («Эда», с. 232)

Вещать хотел
Язык мятежный, **но** коснел,
Слова сливались в лепетанье...
(«Бал», с. 284)

Особенно ярко недостижимость, невыполнимость желаемого прослеживается в аутореферентных высказываниях, где желание исходит от говорящего и ему же адресовано. Если же повествование ведется от имени лирического героя, за которым часто угадывается сам автор, то семантика неосуществимости желания приобретает не просто оттенок разочарования, сожаления, но и трагическую окраску:

Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою. <...>
Но что же? Вне себя я тщетно жить хотел.
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел —
Восторги их мне чужды были...
(«Лагерь», с. 75)

Напрасно мы, Дельвиг, **мечтаем найти**
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея...
(«Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...», с. 77)

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно...
(«Мудрецу», с. 195)

Следует отметить, что при отсутствии прямых показателей неосуществимости желаемого, контекстное окружение не всегда содержит прямое указание на неосуществимость/неосуществленность желания, поэтому целесообразно в таких ситуациях считать последнее потенциально осуществимым.

Например:

И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовью моей.
(«Н.И. Гнедичу», с. 103)

Буйный швед опять
Не соблюдает договоров,
Вновь **хочет** с русским **испытать**
Неравный жребий бранных споров.
Уж переходят за Кюмень
Передовые ополченья...
(«Эда», с. 242)

Наперед я знал,
 Что я застану вас одною.
 Одну я *видеть* вас *желал*.
 Остаться должно вам со мною.
 Вам должно выслушать меня.
 («Цыганка», с. 294)

Тем не менее следует констатировать, что в поэтике Боратынского семантика неосуществленного/неосуществимого желания преобладает. Именно эта особенность позволяет связать функционирование оптативной лексики с принципом контраста, столь важным для творчества поэта. Выражаемое оптативными лексемами желание, с одной стороны, и его неосуществимость/неосуществленность, нереализованность, несбыточность — с другой, представляют собой антиномию: *желания — невозможность их осуществления*. Тексты Боратынского содержат такие примеры авторского осмысления желаний лирического героя, в которых напрямую, самим лексическим составом, характером предмета желаемого подчеркивается не просто невозможность осуществления этих желаний, но их заведомая несбыточность для мыслящей личности, их бесплодность, иллюзорность, что сближает его философско-поэтическую доктрину с трагическим мироощущением, пронизывающим поэзию М.Ю. Лермонтова. Эта проблема, возможно, составит предмет наших дальнейших изысканий в области поэтического языка и концептосферы Е.А. Боратынского. Как совершенно справедливо отмечал В.Г. Белинский в 1842 г., Боратынскому «из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным», по достоинству принадлежит первое место: «Несмотря на его вражду к мысли, он, по натуре своей, призван быть поэтом мысли. Такое противоречие очень понятно: кто не мыслитель по натуре, тот о мысли и не хлопочет; борется с мыслию тот, кто не может овладеть ею, стремясь к ней всеми силами души своей» [15, с. 436].

Современной наукой установлено, что основные концептуальные особенности семантического наполнения единиц поэтической речи получают категоризацию в ее грамматическом, в том числе синтаксическом построении. Синтаксическая организация текстов Е.А. Боратынского оказывается прямым проводником, транслятором душевного состояния, чувств, ценностных установок, желаний и предпочтений лирического героя, равно как и глубоких философских размышлений автора. Не случайно, рассуждая о роли философии в формировании мировоззрения поэтов «пушкинской плеяды», А.М. Песков выдвигает следующий тезис: «Философия нужна нам, потому что философия и поэзия вышли из одной первобытной стихии души: видеть в вещном бытии вечное бытие. И никакая философия не наука, ибо бывают ли науки, имеющие в своем основании чистую гипотезу ума? — неважно, что именно утверждает гипотеза: первосуществование духа или плоти, — она, в сущности, есть только поэтическая метафора. ...Дело философа, дело поэта — не проповедь, предписывающая верить в дух, плоть или в вещь, а облечение тайн вечного бытия — в мыслящее слово, облеченное гармоническим звуком» [16, с. 316]. И в подтверждение своих слов приводит весьма показательную цитату, содержащую глобальную установку Боратынского — его желание как автора, как творца, как поэта-философа:

*И поэтического мира
Огромный почерк я узрел
И жизни даровать, о, лира!
Твое согласие захотел...*

[16, с. 316]

Таким образом, рассмотрение репрезентационной системы желаний лирического героя Е.А. Боратынского показывает, что за ней стоят фундаментальные концептуальные смыслы, позволяющие постичь всю глубину авторского мироощущения и философского мировоззрения, нацеленность языком «мыслящего слова» поэзии, в гармонии с лирой передать миру личное, заложенное в его мире — «Я», на уровне общечеловеческого и вечного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Либерман А.С.* «Последний поэт» Е. Боратынского (заметки переводчика) // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2019. № 5. С. 42–53.
2. *Кожжевникова Н.А., Шестакова Л.Л.* Образный строй лирики Евгения Боратынского // Рус. яз. в школе. 2005. № 2. С. 63–71.
3. *Кожжевникова Н.А., Шестакова Л.Л.* О словоупотреблении Евгения Баратынского // Res philologica. Архангельск, 2000. Вып. 2. С. 141–143.
4. *Матяш С.А., Чекашина Н.А.* Стихотворные переносы в лирике Е.А. Баратынского в контексте пушкинской традиции // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 11 (130). С. 20–25.
5. *Патроева Н.В.* «Сумеречный» синтаксис Е. Баратынского (на материале сборника «Сумерки» 1842 г.) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 105–119.
6. *Коровин В.И.* «Читателя найду в потомстве я»: К 180-летию со дня рождения Е.А. Боратынского // Русский язык в школе. М., 1980. № 1. С. 59–67.
7. *Алтабаева Е.В.* Образные средства поэзии Е.А. Боратынского // Культура русской провинции. Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края: Межвуз. сб. науч. трудов. Тамбов, 1993. Вып. II. С. 59–67.
8. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
9. *Апресян Ю.Д.* Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Избр. тр. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 434–452.
10. *Алтабаева Е.В.* Проблемы лексикографического описания опплативной лексики // Учебная лексикография и проблемы словосочетания: тезисы межвуз. совещания-семинара. Пятигорск, 1993. С. 3–5.
11. *Синьорини С.* Выражение опплативности в памятниках русской письменности XVII–XVIII веков // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы междунаро. конференции. М., 1995. Т. II. С. 471–472.
12. *Алтабаева Е.В.* Средства категории опплативности в концептуальном пространстве художественной прозы А.С. Пушкина // Пушкин и мировая литература: материалы Международной научной конференции, г. Минск, 20–21 октября 2016 г. Минск: РИВШ, 2016. С. 59–64.
13. *Алтабаева Е.В.* Опплативность в русском языке: комплексное описание: монография. М.: МПГУ, 2021. 200 с.

14. Боратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 179.
15. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 413–445.
16. Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. М.: Книга, 1990. 384 с.

REFERENCES

1. Lieberman A.S. “*Posledniy poet*” Ye. Boratynskogo (*zametki perevodchika*) [“The Last Poet” by E. Boratynsky (Translator’s Notes)], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 9, Filologiya* = Moscow University Bulletin, Series 9, Philology, 2019, No 5, pp. 42–53. (in Russ.)
2. Kozhevnikova N.A., Shestakova L.L. *Obraznyy stroy liriki Yevgeniya Boratynskogo* [The figurative structure of the lyrics by Evgeny Boratynsky], *Rus. yazyk v shkole* = Rus. language at school, 2005, No 2, pp. 63–71. (in Russ.)
3. Kozhevnikova N.A., Shestakova L.L. *O slovopotreblenii Yevgeniya Baratynskogo* [On the Usage of Evgeny Baratynsky], *Res philological*, Arkhangelsk, 2000, is. 2, pp. 141–143. (in Russ.)
4. Matyash S.A., Chekasina N.A. *Stikhotvornyye perenosy v lirike Ye.A. Baratynskogo v kontekste pushkinskoy traditsii* [Poetic Transfers in the Lyrics of E.A. Baratynsky in the Context of Pushkin’s Tradition], *Vestnik Orenburgskogo gos. Un-ta* = Bulletin of Orenburg St. Un-ty, 2011, No 11(130), pp. 20–25. (in Russ.)
5. Patrayeva N.V. “*Sumerechnyy*” sintaksis Ye. Baratynskogo (*na materiale sbornika «Sumerki» 1842 g.*) [“Twilight” Syntax E. Baratynsky (Based on the Material of the Collection “Twilight” 1842)], *Vestnik Volgogr. gos. Un-ta* = Bulletin of Volgograd St. Un-ty, Ser. 2, Yazykozn, 2016, vol. 15, No 2, pp. 105–119. (in Russ.)
6. Korovin V.I. “*Chitatelya naydu v potomstve ya*”, *K 180-letiyu so dnya rozhdeniya Ye.A. Boratynskogo* [“I will find the reader in the offspring”, To the 180th anniversary of the birth of E.A. Boratynsky], *Russky yazyk v shkole* = Russian language at school, Moscow, 1980, No 1, pp. 59–67. (in Russ.)
7. Altabaeva E.B. *Obraznyye sredstva poezii Ye.A. Boratynskogo, Kultura russkoy provintsii. Problemy izucheniya literaturnogo naslediya Tambovskogo kraya* [Figurative Means of E.A. Boratynsky’s poetry, Culture of the Russian Province. Problems of Studying the Literary Heritage of Tambov Region], *Mezhvuzovsky sbornik nauchnykh trudov* = Interuniversity collection of academic papers, is. II, Tambov, 1993, pp. 59–67. (in Russ.)
8. Vasiliev L.M. *Semantika russkogo glagola* [Semantics of the Russian verb], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 183 с.
9. Apresyan Yu.D. *Khotet i yego sinonimy: zametki o slovakh* [Khotet and its synonyms: notes on words], *Izbr. Tr.* [Selected Works], vol. II, Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya, Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1995, pp. 434–452. (in Russ.)
10. Altabaeva E.V. Problems of lexicographic description of optative vocabulary, Educational lexicography and problems of phrases, Theses between universities, Workshops, Pyatigorsk, 1993, pp. 3–5. (in Russ.)

11. Signorini S. *Vyrazheniye optativnosti v pamyatnikakh russkoy pismennosti XVII–XVIII vekov* [Expression of Optativity in the Monuments of Russian Literature of the XVII–XVIII Centuries], *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy. Tezisy mezhdunarodn. Konferentsii* = Linguistics at the end the XX century: results and prospects. Theses of the international conference, Moscow, 1995, vol. II, pp. 471–472. (in Russ.)
12. Altabaeva E.B. *Sredstva kategorii optativnosti v kontseptualnom prostranstve khudozhestvennoy prozy A.S. Pushkina* [Means of the Category of Optativity in the Conceptual Space of Fiction by A.S. Pushkin], *Pushkin i mirovaya literatura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* = Pushkin and World Literature: Materials of the International Academic Conference, Minsk, October 20–21, 2016, Minsk, RIVSH Publ., 2016, pp. 59–64. (in Russ.)
13. Altabaeva E.B. *Optativnost v russkom yazyke: kompleksnoye opisaniye: Monografiya* [Optativity in Russian: Complex Description: Monograph], Moscow, MSPU Publ., 2021, 200 p. (in Russ.)
14. Boratynsky E.A. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete collection of poems], Leningrad, 1989, 179 p. (in Russ.)
15. Belinsky V.G. *Sobraniye sochineniy, v 3 t.* [Collected Works in 3 vols], Moscow, 1948, vol. 2, pp. 413–445. (in Russ.)
16. Peskov A.M. *Boratynskiy. Istinnaya povest* [Boratynsky. True Story], Moscow, Book Publ., 1990, 384 p. (in Russ.)

Алтабаева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет, evaltabayeva@mail.ru

Elena V. Altabaeva, ScD in Philology, Full Professor, Professor, Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, evaltabayeva@mail.ru